

УДК 811.163.2

*Петкова-Калева С. Я.
Шуменский университет
имени Епископа Константин Преславского,
Республика Болгария*

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И НАЦИОНАЛЬНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦЕПТА “ПУСТОТА” БОЛГАРСКИМ ЯЗЫКОВЫМ СОЗНАНИЕМ

В статье представлена специфика лингвистической интерпретации аспектов концептуализации феномена пустоты болгарским языковым сознанием. Представлены универсальные, цивилизационные и национально-специфические аспекты языковой интерпретации концепта “Пустота”. Предметом специального анализа является специфическая когнитивная и языковая дифференциация понятий “пусто” и “празно” в болгарской языковой картине мира.

Ключевые слова: *концепт, концептуализация, языковая картина мира, концепт “Пустота”.*

В языковой картине мира болгар концепт “Пустота” является сложным переплетением универсальных, цивилизационных и этноспецифических элементов.

Универсальные элементы структуры концепта “Пустота”.

В лингвофилософии пустота и ее различные ипостаси входит в число универсальных категорий, предельных понятий, организующих и определяющих культуру в целом.

Универсальный характер носит рассмотрение “пустоты” как нейтральной нулевой составляющей оппозиции **бытие – небытие**, несущей в себе черты обоих полюсов оппозитивного ряда.

С одной стороны, пустота определяется путем отрицания бытийных структур, являясь таким образом своеобразной формой небытия. С другой стороны, будучи ограниченной миром материальных, осязаемых вещей, пустота опредмечивается в человеческом сознании, превращаясь в особую фигуру бытия, в особый тип “вещи”. Например на основе принципа противопоставления фона и фигуры, благодаря форме, которую придают им окружающие их материальные сущности “отверстие”, “щель”, “яма” приобретают для наивного сознания статус предмета. Аналогичным образом своеобразный событийный статус обретают такие феномены, как “перемена”, “перерыв”, “отпуск”, “антракт” и др.

Мотив о пустоте как связи между бытием и небытием обнаруживаем в мифологии. В мифах ситуация, предвещающая творение мира, ассоциируется с зияющим пустым пространством между небом и землей, бездной из которой рождается мифологическая вселенная. Азбучной истиной в исследованиях языкового мышления древних народов является факт, что представители различных культур, постигая общее посредством отдельного, объективируют абстрактное для себя понятие “небытие” в рамках различных модусов и конкретных образов пустоты [10; 16, 18 и др.].

Цивилизационные проекции концептуализации пустоты.

Еще с древности выделяются три ипостаси небытия и, соответственно, пустоты. У Аристотеля, например, это: 1) относительное небытие, как отсутствие чего-нибудь в чем-нибудь, бессущность; 2) потенциальность полноты и 3) лишенность. В древнеиндийской философии вайшешика выделяются: несуществование до

возникновения, несуществование после уничтожения и абсолютное небытие как отсутствие связи между двумя вещами (об этом подробнее см. [4, с. 70]).

В концептуализации пустоты очерчиваются ясно две различные по своей сущности цивилизационные модели: **восточная** и **западная**.

В цивилизационной модели востока пустота – это прежде всего потенция полноты. В культуре Востока дао – это наивысшее состояние бытия в его трансцендентной функции, недифференцируемая пустота как мать космоса, причем “дао пусто, но в проявлении неисчерпаемо”. “Все вещи в Поднебесной рождаются из Бытия, а Бытие рождается из Небытия” [9, §40]. Для буддистов пустота – шунья (ноль) лежит в основе мироздания, носит в себе полноту незримого, непроявленного мира. Она вне всякой формы и не подлежит описанию, но это не ничто, отсутствие чего-то, бессущность, а сущность всех форм и источник жизни [6, с. 116; 4, с. 92]. Поэтому человек востока испытывает преклонение перед неисчерпаемыми потенциями пустоты.

В модели, характерной для цивилизации запада, идея пустоты связана главным образом с феноменологией отсутствия, недостатка, лишенности. Истоки этой традиции можно проследить в древнегреческой философии. Общим для греческого мышления является убеждение в том, что *бытие есть нечто благое*. Поскольку, как утверждает Платон, причина, порождающая все сущее, является благом, то и все вещи тоже благи. [13, VI, 509 b]. У Аристотеля “Все другие сущие получают свое бытие и жизнь от божественного дления” (О небе, I, 9, 179 а 17-30) (цитирование согл. [3]).

В христианской космогонии `пустота` это первичная реальность, изначальный хаос, который стоит в основе мироздания. (*А земля была безвидна и пуста; и темнота расстилалась над бездной...* (Бытие:1). Блаженный Августин, основываясь на Св. Писании, заключает: “Будучи высочайшей сущностью, т.е. обладая и высочайшим бытием и потому будучи неизменяем, Бог дал бытие тем вещам, которые сотворил из ничего” [2, XII, с. 2]. В то же время небытие, пустота рассматриваются как владение Дьявола, чем можно объяснить отрицательную коннотацию, маркирующую отношение к пустоте в коде европейской культуры.

Пустота пугает представителей западной культуры. М. Хайдеггер видит в этом “*horror vacui*” (“страхе пустоты”) одну из фундаментальных характеристик человека [17, с. 313]. Влияние Востока, с его мистическим преклонением перед силой пустоты, ограничено главным образом сферой философии литературы и искусства (выделяются например такие понятия, как пустота Фуко, пустота Бодрийара, пустота Пелевина) (см. например [15; 11; 5; 8 и др.]). Кстати, нельзя не упомянуть приближение идей современной физики к некоторым основным представлениям о сущности мироздания и о процессе познания, характерным для восточных мистических учений. В классической физике, например, **масса** данного объекта ассоциируется с неразрушимой материальной субстанцией, с каким-нибудь **веществом**. Теория относительности однако доказывает, что масса на самом деле не является веществом, а формой энергии. Для современной физики атомы, из которых строится т. наз. твердая материя являются почти исключительно пустым пространством. Ощущение твердости возникает благодаря высокой скорости (около 600 км в секунду!) с которой электроны движутся вокруг атомного ядра. Эта гиперподвижность помогает им преодолеть его притяжение, в силу чего атом похож на твердый шар, подобно тому как вертящиеся на высокой скорости лопатки вентилятора смотрятся как диск.

Подобно восточной пустоте “физический вакуум” не является ничем, а содержит в себе потенциальность всех форм мира частиц. По определению известного физика Ф. Капры: вакуум – это “живая пустота”, пульсирующая в бесконечном ритме

созидания и разрушения, доказывая правоту китайского мудреца Дзан Цяя, утверждающего, что: *Когда человек знает, что Великая пустота полна цзи* (в древнем Китае цзи – это жизненная энергия, оживляющая космос – С. К.), *панимает, что понятие ничто не существует* (подробнее об этом в [7, с. 28–31, с. 69–70, с. 199, с. 212–213]).

Столь четкое различие дает основание Т. Н. Снитко представить интерпретацию категорий “небытие”, “пустота” и “хаос” в качестве эмблематического примера принципиальной неперебиваемости предельных понятий в рамках диалога культур, объясняя это фактом, что они формировались в по-разному организованных рефлексивных пространствах [14].

Специфика интерпретации пустоты в болгарской лингвокультуре.

Наблюдение над языковыми фактами дает основание считать, что в отношении интерпретации идеи пустоты болгарское языковое сознание в целом придерживается западной цивилизационной модели интерпретации данного феномена.

Лексикографическая фиксация семантики лексемы *пустота* и лексем ее лексического гнезда показывает доминирование в ней сем **отсутствия** и **отрицания**. По данным “Толкового словаря болгарского языка”, *пустота* это:

1. само ед. **Отсъствие, липса** на движение, живот, шум 2. само ед. прен. **Липса** на духовен живот, на високи стремежи; празнота. 3. *рядко*. Пустош, пущинак. [1]

Семы отсутствия, отрицания являются доминирующими и в семантике лексемы *пуст.*

пуст – 1. Който **не е** населен, **не е** обитаем, в който **няма** движение и живот. 2. В който **няма нищо**; празен. 3. прен. Който е **лишен** от съдържание, празен, **безсъдържателен**. [1]

пуст – **безлюден, ненаселен, пустинен, необитаем, див, глух** прен. II **обезлюден, запустял, опустял** [12]

Эти наблюдения наводят на мысль, что феномен пустоты, по сложившимся в наивной логике болгар представлений, это прежде всего некое ничем не заполненное пространство. В то же время языковое сознание, давая себе отчет в том, что в принципе абсолютной пустоты не существует и что только мы редуцируем невидимое до отсутствующего, превращает в прагматическую пустоту видимое, но лишённое смысла, цели и содержания. Достаточно обратить внимание на переносные значения слов *пустота*, и *пуст* приведенные выше, а также на производные лексические конструкты, включающие формант *пуст-* в болгарском языке: ***пустословен, пустославен, напусто, пустош, пущинак, пустотия***.

Отсутствие, недостаток, по всей видимости, оцениваются наивной логикой сугубо отрицательно. Не случайно ритуальные проклятия в болгарском языке базируются на образе пустоты, превращая его в своеобразный квазистереотип: ***Пуст (-а, -о, -и) да опустее (-ят) дано!; Пуст (-а,-о) да остане!; Пуст (-а,-то,-ти) ...!***, напр. *Пусто тегло край няма!* На образе пустоты основывается и внутренняя форма самого глагола *пустосвам* (*проклиная*). В народных верованиях болгар не принято ходить в гости с пустыми руками или если, например, вам дали взаимы сахар, кофе, молоко, то не следует возвращать сосуд пустым.

Остальные два аспекта осмысления пустоты: **потенциальный**, с точки зрения которого пустота – этоместилище всего сущего, из которого все происходит и **результативный**, согласно которому пустота – результат упразднения, исчезновения, лишения, потери содержимого, являются дополнительными, фоновыми в семантической структуре самой металексем *пустота*, но составляя важную часть

интенционала концепта “пустота”, прослеживаются четко в семантически связанных с этим словом формах.

В болгарском языке потенциальность бытия, заложенная в пустоте, находит наиболее яркое языковое выражение в глаголе *пускам*/ да *пусна* и производных от него вербальных формах *пропусна* / несов.в. *пропускам*, *допусна* / несов.в. *допускам*, *напусна* / несов.в. *напускам*; *отпусна* / несов.в. *отпускам*. В доказательство можно привести слова М. Хайдеггера по поводу значимости однокоренного русского глагола *пустить*: “В глаголе “пустить” звучит впускание, в первоначальном смысле сосредоточенного собирания, царящего в месте. Пустой стакан значит: собранный в своей высвобожденности и способный впустить в себя содержимое. Опускать снятые плоды в корзину значит: предоставлять им место”. Таким образом глагол *пустить*, по мнению Хайдеггера, подсказывает, что “пустота, это нечто, отпущенное на простор и потому способное в себя впустить”, что она “продуктивна в качестве вмещающей открытости” [17, с. 315].

Наблюдение над этим глагольным рядом демонстрирует еще одну характерную особенность осмысления пустоты – наличие в языковом сознании двух ее основных топологических моделей: модели **вместилища**, в которое можно пустить, пропустить, допустить, и модели **открытого пространства**, куда отпускают. Есть основания считать, что болгарские глаголы *допускам*, *пропускам* реализуют идею о пустоте как вместилище. Не случайно они входят в синтагматическую связь с предлогом *в*, чьей основной семантической функцией является обозначение расположения внутри, в рамках, в границах пространственного ориентира. Формы *отпускам*, *напускам*, *изпускам*, со своей стороны, маркируют идею свободного, открытого пустого пространства, на которое направлено движение, чем можно объяснить их синтагматическую связь с предлогом *на*, реализующим семантику расположения на поверхности пространственного ориентира (если он является компактом) или в пределах открытых пространств различного размера. Глаголы *пускам* и *пропускам* маркируют двойную направленность движения – внутрь и наружу, например: *Пуснете ме да вляза!*; *Пуснете ме да изляза!* Данный аспект осмысления феномена пустоты представлен и в таких лексемах, как *отпуск* и *пропуск*.

Для интерпретации этих форм языковым сознанием характерна аксиологическая амбивалентность, сказывающаяся также на двузначном употреблении фразеосхем с компонентами *Пустият му...!* *Пустата му...!*, которые могут выражать не только неприятие и отрицательную оценку, но, наоборот, – могут являться маркерами восхищения.

В интерпретации идеи пустоты болгарское языковое сознание проявляет определенную специфику.

В целом, следует подчеркнуть, что для него концептуальная сфера “пустоты” имеет более сложную структуру, основывающуюся на семантической соотнесенности двух концептов – “пусто” и “празно”.

Исходя из популярной идиомы о переливании *от пусто в празно* (*из пустого в порожнее*), можно подумать, что оба концепта почти идентичны или хотя бы воспринимаются языковым сознанием как функционально однотипные и однозначные в плане аксиологии. Но если всмотреться более внимательно в речевую реализацию языковых формаций, становится очевидной разница между концептами “пусто” и “празно” в языковой картине мира болгарина.

Каковы измерения этой своеобразной семантической дистрибуции?

С точки зрения болгарского языкового сознания, “пустота” – это феномен, связанный с внешним для человека миром – с “макромиром”. “Пустота” –

характеристика среды, которую он обитает. Она там, где нет следов другого человеческого присутствия, где человек чувствует себя одиноким. В своем основном значении лексема **пустота** означает именно “отсутствие, липса на движение, живот, шум” [1]. О подобном осмыслении этого феномена говорят и семантические характеристики форм ее эпидигматического поля: *пуст, пустея, пустинен, пустыня, пустош*. Сразу бросается в глаза, что отсутствие людей, безлюдность – обязательный элемент их лексикографических описаний. Например:

пуст 1. Който не е населен, не е обитаем, в който няма движение и живот. Улиците са *пусти*.

пустея – Съм, стоя или ставам *пуст, безлюден* или неизползван, необработен. Земите *пустеят*.

пустинен 2. Който е *безлюден, необитаем*, в който няма живот. *Пустинен остров*.

пустыня – 1. Обширно **необитаемо** безводно пространство с оскъдна растителност или съвсем голо. 2. прен. Изобщо **безлюдно** място.

пустош – 1. Пусто, **необитаемо място, пущинак**. 2. само ед.ч. Отсутствие, липса на движение, живот; **пустота, безлюдност**. [1]

При этом безлюдье превращается в “пустоту” лишь вызвав ощущение **неудовлетворенной потребности** в человеческом присутствии.

Есть еще один фактор, объясняющий отрицательную коннотацию, которой обрастает пустое пространство в сознании носителя болгарского языкового сознания. Человек, воспринимая себя как венюк всего сущего, как единственное живое существо, одаренное творческой потенцией и преобразующей силой, верит, что своей деятельностью – интеллектуальной, физической, социальной, облагораживает, “оживляет” мертвую природу, придает ей смысл. В этом плане все, к чему не прикоснулись его руки, что не является частью его цивилизованного мира представляется ему мертвым или лишенным жизни, не имеющим или уже потерявшим смысл. Тогда появляются номинации типа *пустош, пущинак; опустошаване; духовна опустошеност*. Особенно осязаема пустота покинутых людьми мест: *опустяват (пустеют)* поля, города, *запустяват* дома и села.

Если концепт “Пустота” связан в болгарском языковом сознании с внешним для человека миром, то концепт “Празнота” связан прежде всего с внутренним миром человека, с его сущностью. *Празен (човек)* как парвило назовут человека, лишенного духовных интересов, легкомысленного, надалекого человека. *Празноглавие, празнословие*, или *празнодумие*, тоже черты, присущие лишь человеку. В этом случае человек определяется как *празноглав* или *празноглавец, празнословен/празнодумен* или *празнословец/празнодумец*. Речь – специфическая способность человека, так что лишь человек может говорить *празни приказки (пустые слова)*. Лишь у человека *празен поглед (пустой взгляд)*, лишь он хранит *напразни надежди (пустые надежды)*, лишь у него *празни мечти (пустые мечты)*. Отмеченные пробелы в информационном пространстве, в пространстве знания, болгарский язык определяет как *празноти в изложението* (о неполноте изложения), *празноти в паметта* (о пробелах в памяти).

У концепта “Празнота” еще одно умозрительное свойство, которое отличает его от концепта “пустота”. “Празнота” трехмерна, в отличие от “пустоты”, на которую накладывается двухмерность открытого пространства. Болгарин назовет *пусти (пустыми)* поля, улицы, площади, берег. По отношению к названиям трехмерных вместилищ – стакан, бутылка, касса, карман, можно употребить лишь определение *празни – празен джоб, празни ръце, празна бутылка* и т.д. Места обитания людей определяются и как *пусти* и как *празни*. *Празна стая* – это комната без мебели или

недостаточно обставленная мебелью. *Домът опустя; домът е пуст*, скажут о доме, покинутом своими обитателями, т.е. подобная характеристика – результат активизации семьи безлюдности.

Все лишённое смысла, бесполезное болгарское языковое сознание определяет как *изпразнено от съдържание*. Аналогичная интерпретация концепта “пусто” связана с речевыми формациями *напразни усилия, напразно старание*, с выражением *всичко е напразно*.

С другой стороны, “пустота” в ряде контекстов связывается с умозрительным пространством духа. Кажется, не случайно в поэтических текстах присутствуют по преимуществу формы из эпидигматического гнезда концепта “Пустота”, в то время как ‘празнота’ более “осязаема”, см. например: *празно място, празни листи, празни чаши, празнина* (пустое пространство между материальными объектами или их частями). “Пустота” никогда не “снисходит” так близко до прозы быта.

Итак, в отражении и интерпретации концепта “Пустота” в пространстве болгарского языка прослеживаются универсальные, цивилизационные и этноспецифические элементы. Модель концептуализации пустоты, представленная в данной работе, можно рассматривать в качестве удобной операциональной модели при анализе других концептуальных структур.

Л и т е р а т у р а :

1. *Андрейчин Л.* Български тълковен речник. Четвърто издание / Любомир Андрейчин и др. – София : Наука и изкуство, 2004 – 1093 с.
2. *Блаженный Аврелий Августин.* О граде божьем [Электронный ресурс] / Аврелий Августин Блаженный. – Режим доступа : http://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/
3. *Гайденко П. П.* Бытие и разум / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 1997. – № 7. – С. 114–140.
4. *Григорьева Т. П.* Синергетика и Восток (логика небытия) / Т. П. Григорьева // Вопросы философии. – 1997. – № 3. – С. 90–102.
5. *Губин В. Д.* Некоторые проблемы философии будизма и их влияние на современную буржуазную философию / В. Д. Губин // Философская и общественная мысль стран Азии и Африки. – М. : УДН, 1981. – С. 155–169.
6. Древнекитайская философия. Собрание текстов : в 2-х т. / [под ред. Л. В. Литвиновой]. – М. : Мысль, 1972. – Т. 1. – 363 с.
7. *Капра Ф.* Дао на физиката. Второ преработено издание / Фритъоф Капра. – 2-е изд. перер. – София : Гуторанов и син, 2004. – 340 с.
8. *Корнев С.* Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? / С. Корнев // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 28. – С. 244–259.
9. *Лао Цзы.* Дао дэ Цзин [Электронный ресурс] / Лао Цзы; пер. Ян Хин-шун. – Режим доступа : <http://tao-te-ching.ru/>
10. *Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление: коллективные представления в сознании первобытных людей и их мистический характер / Люсьен Леви-Брюль. – М. : Республика, 1994. – 383 с.
11. *Малявин В. В.* Мифология и традиция постмодернизма / В. В. Малявин // Логос. Ленингр. междунар. чтения по философии культуры. – Л. : Изд. Ленинградского ун-та, 1991. – Кн. 1. Разум. Духовность. Традиция. – С. 51–60.
12. *Нанов Л.* Български синонимен речник / Л. Нанов, А. Нанова. – София : Наука и изкуство, 1987. – 262 с.
13. Платон Государство, VI // Платон Соб. соч. в 3-х тт. – Т. 3 (1) / ред. Ф. Асмус. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. – 752 с.
14. *Снитко Т. Н.* Предельные понятия в Западной и Восточной лингвокультурах : дис. ... докт. филол. наук / Т. Н. Снитко. – Пятигорск, 1999. – 262 с.
15. *Суродин Н. Р.* Лингвокультурологическое поле концепта „пустота” (на материале поэтического языка московских концептуалистов) : дис. ... канд. филол. наук / Н. Р. Суродин. – Волгоград, 1999. – 190 с.
16. *Тайлор Э. Б.* Первобытная культура / Эдуард Бернетт Тайлор. – М. : Политиздат, 1989. – 573 с.
17. *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления / Мартин Хайдеггер. – Москва : Республика, 1993. – 447 с.

18. *Элиаде М.* Священное и мирское / Мирча Элиаде. – М. : Изд-во МГУ, 1994. – 144 с.

References:

1. *Andreychin L.* B"lgarski t"lkoven rechnik. Chetv"rto izdaniye [Български is the spring of the river. Fourth edition] / Lyubomir Andreychin i dr. – Sofiya : Nauka i izkustvo, 2004 – 1093 s.
2. *Blazhennyy Avreliy Avgustin.* O grade bozh'yem [About the city of God] [Elektronnyy resurs] / Avreliy Avgustin Blazhennyy. – Rezhim dostupa : http://azbyka.ru/otechnik/Avrelij_Avgustin/o-grade-bozhem/
3. *Gaydenko P. P.* Bytiye i razum [Being and Mind] / P. P. Gaydenko // Voprosy filosofii. – 1997. – № 7. – S. 114–140.
4. *Grigor'yeva T. P.* Sinergetika i Vostok (logika nebytiya) [Synergetics and the East (the logic of non-existence)] / T. P. Grigor'yeva // Voprosy filosofii. – 1997. – № 3. – S. 90–102.
5. *Gubin V. D.* Nekotoryye problemy filosofii budizma i ikh vliyaniye na sovremennuyu burzhuaznyuyu filosofiyu [Some problems of the philosophy of Buddhism and their influence on modern bourgeois philosophy] / V. D. Gubin // Filosofskaya i obshchestvennaya mysl' stran Azii i Afriki. – M. : UDN, 1981. – S. 155–169.
6. Drevnekitayskaya filosofiya. Sobraniye tekstov [Ancient Chinese philosophy. Collection of texts] : v 2-kh t. / [pod red. L. V. Litvinovoy]. – M. : Mysl', 1972. – T. 1. – 363 s.
7. *Kapra F.* Dao na fizikata [Tao on the physicist] / Frit'of Kapra. – Sofiya : Gutoranov i sin, 2004. – 340 s.
8. *Kornev S.* Stolknoveniye pustot: mozhet li postmodernizm byt' russkim i klassicheskim? [Collision of voids: can postmodernism be Russian and classical?] / S. Kornev // Novoye literaturnoye obozreniye. – 1997. – № 28. – S. 244–259.
9. *Lao Tszy.* Dao de Tszin [Tao de Jing] [Elektronnyy resurs] / Lao Tszy ; per. Yan Khin-shun. – Rezhim dostupa : <http://tao-te-ching.ru/>
10. *Levi-Bryul' L.* Pervobytnoye myshleniye: kollektivnyye predstavleniya v soznanii pervobytnykh lyudey i ikh misticheskiy kharakter [Primitive thinking: collective representations in the consciousness of primitive people and their mystical character] / Lyus'yen Levi-Bryul'. – M. : Respublika, 1994. – 383 s.
11. *Malyavin V. V.* Mifologiya i traditsiya postmodernizma [Mythology and the tradition of postmodernism] / V. V. Malyavin // Logos. Leningr. mezhdunar. chteniya po filosofii kul'tury. – L. : Izd. Leningradskogo un-ta, 1991. – Kn. 1. Razum. Dukhovnost'. Traditsiya. – S. 51–60.
12. *Nanov L.* B"lgarski sinonimen rechnik [Bulgar synonym for the river] / L. Nanov, A. Nanova. – Sofiya : Nauka i izkustvo, 1987. – 262 s.
13. Platon Gosudarstvo, VI [Plato The State, VI] // Platon Sob. soch. v 3-kh tt. – T. 3 (1) / red. F. Asmus. – SPb. : Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007. – 752 s.
14. *Snitko T. N.* Predel'nyye ponyatiya v Zapadnoy i Vostochnoy lingvokul'turakh [Limit concepts in Western and Eastern linguocultures] : dis. ... dokt. filol. nauk / T. N. Snitko. – Pyatigorsk, 1999. – 262 s.
15. *Surodina N. R.* Lingvokulturologicheskoye pole kontsepta „pustota” (na materiale poeticheskogo yazyka moskovskikh kontseptualistov) [Lingvocultural field of the concept of "emptiness" (based on the poetic language of the Moscow conceptualists)] : dis. ... kand. filol. nauk / N. R. Surodina. – Volgograd, 1999. – 190 s.
16. *Taylor E. B.* Pervobytnaya kul'tura [Primitive culture] / Eduard Bernett Taylor. – M. : Politizdat, 1989. – 573 s.
17. *Khaydegger M.* Vremya i bytiye. Stat'i i vystupleniya [Time and Being. Articles and speeches] / Martin Khaydegger. – Moskva : Respublika, 1993. – 447 s.
18. *Eliade M.* Svyashchennoye i mirskoye [Sacred and Worldly] / Mircha Eliade. – M. : Izd-vo MGU, 1994. – 144 s.

Петкова-Калева С. Я. Універсальне і національно-специфічне в інтерпретації концепту “ПОРОЖНЕЧА” болгарською мовною свідомістю.

У статті представлена специфіка лінгвістичної інтерпретації аспектів концептуалізації феномена порожнечі болгарською мовною свідомістю. Представлені універсальні, цивілізаційні та національно-специфічні аспекти мовної інтерпретація концепту “Порожнеча”. Предметом спеціального аналізу є специфічна когнітивна і мовна диференціація понять “порожне” і “празно” в болгарській мовній картині світу.

Ключові слова: концепт, концептуалізація, мовна картина світу, концепт “Порожнеча”.

Petkova-Kaleva S. Y. Universal and Culture-Specific Aspects in Interpretation of Concept of Emptiness by Bulgarians.

The paper deals with the linguistic interpretation of the concept of emptiness in Bulgarian language. It discusses universal and culture-specific aspects in the linguistic interpretation of the concept of emptiness. A universal feature of the concept is its interpretation as a link between the meta-concepts of existence and non-existence. This interpretation is compared to the Western way of conceptualising emptiness, which emphasises absence, deficiency, and deprivation, in contrast to the Eastern model, which sees emptiness as a basis for existence, and worships the abundance of the invisible world. The analysis focuses on the cognitive and linguistic differentiation between the notions of пусто and празно in Bulgarian, both meaning empty, though in a different way: whereas the first word is associated with the outer world and its two-dimensional open space, the latter is related to the inner world, and the phenomenology of three-dimensional space.

Keywords: concept, conceptualisation, language picture of the world, concept of “Emptiness”

УДК 811.111'373.237

Пономарьова О. А.
Інститут мовознавства
імені О. О. Потебні НАН України

**ГЕНДЕРНИЙ АСПЕКТ ФУНКЦІОНУВАННЯ
НАЙМЕНУВАНЬ ОСІБ ЗА РОДОМ ЗАНЯТЬ У ФРАЗЕОЛОГІЇ
УКРАЇНСЬКОЇ, АНГЛІЙСЬКОЇ ТА НІМЕЦЬКОЇ МОВ**

У статті крізь призму гендерної проблематики аналізуються семантика, структура та національно-культурні особливості фразеологічних одиниць української, англійської та німецької мов із назвами осіб за родом занять. Зокрема, вивчається роль гендерних конотацій професійних позначень у мотивації цілісного ідіоматичного значення фразем. Окрім того, простежується гендерний поділ праці та гендерні родинні зв'язки і досліджуються гендерні пари найменувань професії та занять на предмет тотожності чи відмінностей у смислах, які вони вносять у цілісне значення фразем, відображаючи гендерні стереотипи.

Ключові слова: фразеологічна одиниця, назви людини за родом занять, професії, гендер, гендерний підхід, конотативне значення.

У сучасних умовах значного розширення сфери інтересів мовознавства мова розглядається не лише як об'єкт суто лінгвістичного аналізу, а й у міждисциплінарному контексті. Важливе місце тут посідає підхід, який розглядає мову у зв'язку із суспільством, людиною та її роллю в ньому. Це слугувало виникненню нових напрямів у мовознавстві – соціолінгвістики, лінгвопрагматики, теорії дискурсу і комунікації, поряд з якими активно проводяться також і лінгвогендерні дослідження.

У науковий обіг термін “гендер” було введено американським психоаналітиком Робертом Столлером наприкінці 60-х років ХХ століття. Гендерний підхід як такий дає змогу аналізувати процеси формування рис поведінки, ментальних та емоціональних властивостей особистості залежно від її статі. Він також має за мету розкриття культурних і соціальних факторів, які визначають ставлення суспільства до тієї чи іншої статі, стереотипні уявлення про чоловічі та жіночі якості тощо, таким чином відкриваючи новий погляд і на відповідні мовні явища. До недавнього часу гендерні явища перебували на периферії суспільної та, конкретніше, наукової думки, сприймаючись частіше як другорядний соціальний та психологічний чинник у житті соціуму [2, с. 508–509]. Але зараз проблеми, пов'язані з гендерною асиметрією та гендерною диференціацією свідомості, стають дедалі актуальнішими, а поле вивчення